

СОДЕРЖАНИЕ

Софиология страдания в творчестве о. Сергия Булгакова <i>Архимандрит</i> <i>Савва (Мажуко)</i>	VII
---	------------

СВЯТОЙ ГРААЛЬ	01
СОФИОЛОГИЯ СМЕРТИ	49
ХРИСТОС В МИРЕ	123
I. Христос в человеке	125
II. Христос на земле.....	141
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЙНЕ	227
Первая часть	229
Вторая часть.	
Война и софийность творения	274
БЕСЕДЫ	
О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ.....	317
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.	
1939–1942.....	335

СОФИОЛОГИЯ СТРАДАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Много лет назад я обратился к своему другу-философу с просьбой:

— Послушай, никогда не читал книги отца Сергия Булгакова. С чего начать?

— «Софиология смерти»! Отличное начало!

И я сел читать этот небольшой текст и очень старался понять. И ничего не вышло. Очень сложный автор. Сложная мысль. Трудный язык. «Софиологию смерти» в тот раз я так и не дочитал. Первая встреча закончилась сокрушительным поражением и сомнением в своих интеллектуальных способностях. Меня утешало только то, что не я один такой.

В 1933 году отец Сергей закончил книгу «Агнец Божий» и отдал её переводчице по фамилии Лебедева. Это была хорошо образованная женщина, но даже для неё это был очень трудный текст. Однажды отец Сергей спросил:

— Как идёт перевод?

— Отец Сергей, ничего не поняла! У вас тут имманентное сидит на трансцендентном и адекватным погоняет.

И тогда отец Сергей, может быть единственный раз в своей жизни, оскорбил женщину:

— Ну ты дура!¹

Когда вступаешь в разговор с великим человеком, поневоле приходится начинать с позиции дурака.

¹ Цит. по: Козырев А. П. Гностическая тема в софиологических спорах 1930-х годов // Россия и гнозис: материалы конференции. М., 2001. С. 109.

Отец Сергей Булгаков писал так много и так сложно, что «профессиональные богословы» предпочитают обходить его книги стороной или делать вид, что такого мыслителя и вовсе не существовало. Если о нём говорят, то в худшем случае это будут слова осуждения в ереси, в лучшем — сожаления о том, что такой умный человек потратил свою жизнь на совершенно бесплодную затею. Так, например, думал о творчестве Булгакова отец Александр Шмеман. Он оставил интереснейшие воспоминания — «Три образа». В этом очерке он говорит, что подлинная трагедия отца Сергея состояла в том, что богословская система, которую он создавал всю свою жизнь, не соответствует его опыту. Для студента Александра Шмемана профессор Булгаков был воплощением настоящего священника, который жил литургией и умел заражать окружающих своим молитвенным восторгом и подлинной радостью, но его богословие было чем-то ненужным, лишним, будто примешалось к образу этого светлого человека нечто чужеродное. Отец Александр Шмеман пишет:

«Если „софийный“ опыт [отца Сергея] не только глубоко православен, но, как я сказал уже вначале, является что-то самое важное, самое глубинное в опыте Церкви, то „София“ как философско-богословское „оформление“ этого опыта не нужна, и не нужна, прежде всего, самому богословию. Она воспринимается, как это ни звучит странно, как какой-то чуждый и именно надуманный элемент в его писаниях... Не нужно „Софии“, ибо „достаточен“ Христос»¹.

¹ Шмеман А., прот. Три образа // Шмеман А., прот. Собрание статей 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 857.

Если София — абстракция, философский каприз, то почему такой мудрый человек, как профессор Булгаков, так ревностно держался за свою софиологию? Почему он так серьёзно относился к Софии, что даже ужасы Второй мировой войны не поколебали его «софийной» взволнованности?

В июне 1942 года отец Сергей Булгаков пишет предисловие к «Невесте Агнца», которая стала последней частью его Большой богословской трилогии. В конце предисловия он говорит:

«Истины, которые содержатся в откровении о Богочеловечестве, в частности же в эсхатологическом его раскрытии, столь незыблемы и универсальны, что пред ними бледнеют, как бы уничтожаются в своём онтологическом значении даже самые потрясающие события мировой истории, которых свидетелями мы ныне являемся, поскольку мы их постигаем в свете Грядущего. А это Грядущее есть явление Церкви в силе и славе, вместе с преображением твари»².

Но ведь это настоящий скандал! Просто подумайте: известный мыслитель утверждает, что то, что написано в его книге, гораздо важнее событий, сотрясающих весь мир. Ведь речь идёт об ужасах Второй мировой войны! Это 1942 год! Самый разгар кровопролития! Может быть, отец Сергей был отшельником и не знал о том, что творится вокруг? Не знал о геноциде евреев, о битве за Москву, о тысячах умерших от голода в блокадном Ленинграде? Однако близкие ему люди сообщают, что отец

2 Булгаков С., прот. Невеста Агнца. М.: Общедоступный Православный Университет, 2006. С. 6.

Сергий живо интересовался тем, что происходит в мире, а критике расовой теории и судьбе еврейства он посвятил несколько очерков. Неужели софиология так ослепила ему глаза, что он остался бесчувственным к людскому горю? Неужели теологические построения важнее детских слёз и страданий миллионов? Ведь христианская мысль была настолько чуткой к этой теме, что после войны родилось целое направление богословия — «богословие после Освенцима».

Недалеко от города, в котором я живу, стоит большой деревянный крест. Это единственная память о белорусской деревне Ала. Во время войны нацисты согнали в эту деревню жителей окрестных деревень и сожгли живьём 1758 человек. Среди них было 950 детей. Это одна из тысяч — я повторю: тысяч! — белорусских деревень, сожжённых нацистами. И я повторю вопросы, которые задавали богословам все послевоенные годы:

Где был Бог?

Почему Он позволил совершиться такому зверству?

Можем ли мы простить Богу то, что Он сделал с этим миром?

И добавим ещё от себя вопрос лично к отцу Сергию Булгакову: неужели лишняя и надуманная теория важнее детских слёз?

Отец Сергий может ответить нам только через свои книги. Вот что он пишет в «Свете Невечернем»:

«Основные мотивы философствования, темы философских систем не выдумываются, но осознаются интуитивно, имеют сверх-философское

происхождение, которое определённо указывает дорогу за философию»¹.

Для отца Сергия софиология не была выдумкой, ненужным придатком жизни, «игрой в бисер». Произведения Булгакова не дают оснований предположить, что этот человек испытывал некий раскол между жизнью и философией, для него это было единым целым, и более того, он всегда руководствовался принципом «*primum vivere, deinde philosophare*» — «сначала жить, а потом философствовать»². И в том же предисловии к «Невесте Агнца» он подчёркивает, что эта книга, написанная ещё в 1939 году, прошла проверку жизнью через испытания военных лет. Как же отец Сергей Булгаков отвечает на вопросы, поставленные «богословием после Освенцима»?

Здесь я позволю себе небольшое отступление и вспомню, что моя обычная аудитория — это не профессора из Оксфорда, а обычные школьники и студенты, современные подростки, с которыми я разговариваю о Христе и о Церкви. Когда мы начинаем с детьми разговор о Боге, я прошу их предварительно ответить на простой вопрос: кто виновен в убийстве родителей Гарри Поттера? Любой профессор знает, что убийца — Тот-Чьё-Имя-Нельзя-Называть. Однако хитрые школьники не торопятся отвечать, потому что родители Гарри Поттера — не единственные жертвы в этой книге, и, кроме жутких смертей

1 Булгаков С., *прот.* Свет Невечерний. М.: Республика, 1994. С. 71.

2 Булгаков С., *прот.* Догмат и догматика // Живое предание. Православие и современность. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 1997. С. 24.

и слёз отчаяния, там есть пытки, болезни, предательства, так что весь текст пропитан не только красивым волшебством и шутками, но и болью, и страданием. Вот почему разумные подростки считают настоящим виновником всех этих ужасов автора книги — Джоан Роулинг. Она придумала этот сказочно красивый мир, она населила его чудесными созданиями, но именно Джоан Роулинг позволила в этом прекрасном мире поселиться злу. Маленькие читатели хорошо знают, как опасен мир волшебников, однако всё равно мечтают сбежать в Хогвартс, чтобы не только увидеть все чудеса и превращения, но и сразиться с древним злом.

И я продолжаю: что должен сделать Гарри Поттер, чтобы высказать всё, что он думает о своей жизни, Джоан Роулинг в лицо, спросить с неё за всю ту боль, что она впустила в его жизнь? Как возможна встреча Гарри Поттера с его автором?

При чём же здесь софиология отца Сергея Булгакова? Как Гарри Поттер может помочь понять это сложное богословское учение?

Когда мы говорим о Христе, мы с восторгом и надеждой произносим имя Автора этого мира, который добровольно стал персонажем собственного произведения. Он не только создал этот мир — прекрасный и опасный, — но и взял на Себя всю ответственность за его боль и радость.

Как возможна встреча с Автором? Именно в этом безумном вопросе лежит ключ к софиологии отца Сергея Булгакова, потому что София — это событие встречи с Автором. Самый главный вопрос всей жизни и философии отца Сергея Булгакова в этом

и состоял: как возможна София? Как это возможно, чтобы сотворённое существо могло пережить встречу с Автором, заметить Его следы, Его уникальный почерк в этом мире?

Гарри Поттер никогда не встретит Джоан Роулинг, и самой писательнице эта встреча не по силам. Эти миры разделены настоящей онтологической пропастью. Но наш Автор входит в этот мир, этот мир Ему не чужой в силу Богочеловечества, как сказал бы отец Сергей Булгаков.

София есть событие встречи с Автором. Прежде чем появилась софиология, была София. Сначала жизнь, потом философия. Сначала София, потом софиология.

Отец Сергей Булгаков был не просто кабинетным учёным. Он был настоящим мистиком, и его софиология есть мистическое богословие. Известно, что Булгаков вырос в семье священника и был воспитан в христианской традиции. Однако в возрасте 14 лет он утратил веру и прошёл долгий путь «от марксизма к идеализму». Он вернулся в Церковь после череды мистических откровений. Они не были такими яркими и эффектными, как описывают их жития древних святых, но это был подлинный мистический опыт, чудо встречи, чудо Софии. Булгаков описывает этот опыт очень осторожно, если хотите, целомудренно.

София есть откровение о Присутствии Бога в этом мире. София — это событие, пережитое Булгаковым лично, София есть неотъемлемая часть его биографии. Первым таким опытом для Булгакова было откровение о Присутствии Бога в природе. Он готовился

вступить в брак и ехал навестить родителей своей будущей жены Елены Ивановны Токмаковой. Тогда он был ещё атеистом, но пережил реальный опыт Присутствия, потрясённый красотой южной природы. О следующей Встрече он пишет ещё сдержанней, потому что София открылась ему в красоте женщины. Упоминая об этом откровении, отец Сергей поставил многоточие, потому что богословская мысль того времени ещё не была готова говорить о таких вещах. Но самая известная Встреча, то есть София, была пережита Булгаковым перед картиной Рафаэля «Сикстинская Мадонна» в Дрезденской галерее. И таких Встреч в жизни отца Сергея, на самом деле, было немало.

Каждая литургия была для него Софией, то есть событием Присутствия Бога в сотворённом мире.

Каждая молитва была для отца Сергея опытом Присутствия, опытом Встречи.

И я позволю себе ещё больше: богословская работа была для отца Сергея событием мысли, поскольку труд богослова для него был частным случаем молитвы и продолжением литургии. Вот почему в его книгах так много, казалось бы, противоречащих одно другому определений Софии. Отец Сергей называет Софией и Христа, и Богоматерь, и Церковь, и Евхаристию, и икону, и Имя Божие. Это приводит к путанице и к справедливой богословской критике. Однако его тексты надо читать не просто как работы учёного-богослова и исследователя, но как свидетельства мистика.

Главный вопрос софиологии: как возможна встреча двух миров, между которыми должна быть

онтологическая пропасть, непроходимая бездна? Строгие философские размышления не допускают этой встречи, но я её пережил. Что это было: обман, синдром Стендаля, детские травмы и нерешённые проблемы с отцом? Но если это подлинный опыт, какие для него есть метафизические основания? Между прочим, это очень современный вопрос, потому что нынешние критики религии умеют весьма убедительно редуцировать наш религиозный опыт к игре гормонов и недостатку кальция. Вы думали, что молитесь, а у вас просто не хватает йода в организме.

Софиология была для отца Сергея попыткой осмыслить и защитить подлинность лично пережитого опыта Встречи. Но этот опыт он сверял с богословской мыслью, а мысль, в свою очередь, испытывал религиозным опытом, так что сама мысль, само богословие превращалось в духовный опыт.

Как справедливо заметил отец Эндрю Лаут, «отец Сергей богословствовал не о литургии, а из литургии»¹. И я позволю себе продолжить эту мысль:

Отец Сергей богословствовал не о иконе, а из пережитого перед иконой опыта Присутствия.

Отец Сергей богословствовал не о Богородице, а из молитвенного предстояния перед Ликом Царицы Небесной.

Отец Сергей богословствовал не о Имени Божием, а из опыта молитвы Иисусовой, которой он часто молился даже во время литургии.

1 Louth A. The Eucharist in the theology of Fr Sergii Bulgakov // *Sobornost*. Vol. 27:2, 2005. P. 38.